

Труды четвертого археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 г. Казань, 1884. Т. 1. [Trudy chetvertogo arheologicheskogo s'ezda v Rossii, byvshego v Kazani s 31 ijulja po 18 avgusta 1877 g. Kazan', 1884. T. 1.]

Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб., 2002. [Tunkina I. V. Russkaja nauka o klassicheskikh drevnostjah juga Rossii (XVIII — seredina XIX v.). SPb., 2002.]

Тункина И. В. История отечественной науки на современном этапе: антропологический поворот // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб. ; М. ; Великий Новгород, 2011. Т. 2. С. 354–356. [Tunkina I. V. Istorija otechestvennoj nauki na sovremennom jetape: antropologicheskij povorot // Trudy III (XIX) Vserossijskogo arheologicheskogo s'ezda. SPb. ; M. ; Velikij Novgorod, 2011. T. 2. S. 354–356.]

Формозов А. А. Очерки по истории русской археологии. М., 1961. [Formozov A. A. Ocherki po istorii russkoj arheologii. M., 1961.]

Формозов А. А. Страницы истории русской археологии. М., 1986. [Formozov A. A. Stranicy istorii russkoj arheologii. M., 1986.]

Шаманаев А. В. Вопросы охраны памятников археологии на Первом Всероссийском археологическом съезде // Современные проблемы археологии России. Новосибирск, 2006. Т. 1. С. 458–460. [Shamanaev A. V. Voprosy ohrany pamjatnikov arheologii na Pervom Vserossijskom arheologicheskom s'ezde // Sovremennye problemy arheologii Rossii. Novosibirsk, 2006. T. 1. S. 458–460.]

Trigger B. G. A history of archaeological thought. New York, 2006.

Статья поступила в редакцию 28.09.2015 г.

УДК 355.013.1(47) + 355.27 + 94(510)

С. В. Смирнов

ПОДЪЕМ И УПАДОК ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ОТДЕЛА РУССКОГО ОБЩЕ-ВОИНСКОГО СОЮЗА (1930-е гг.)

В начале 1930-х гг. Дальневосточный отдел РОВСа добился наивысшего развития своей военно-политической активности, главной задачей которой являлась организация антибольшевистской революции в России. Источниками для реконструкции деятельности Дальневосточного отдела РОВСа и роли генерала Дитерихса в настоящей статье послужили малоизученные документы РОВСа, хранящиеся в архивах Музея русской культуры (Сан-Франциско) и Гуверовского института (Стэнфорд). Приход к руководству Дальневосточным отделом РОВСа М. К. Дитерихса ускорил процесс консолидации антибольшевистской оппозиции и активизировал подрывную работу против советского режима. Однако финансовая несостоятельность, непонимание социально-идеологической трансформации российского общества, сохранение внутренних противоречий, неопределенность «внешнеполитической» линии вкупе с успешной деятельностью советских спецслужб привели к краху работы РОВСа. Окончательное устранение РОВСа из политического поля Китая осуществилось в ходе расширения японской экспансии на континенте.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Русский Обще-Воинский Союз (РОВС); военная эмиграция; Китай; Маньчжоу-го; Братство Русской Правды.

Весной 1930 г., после образования Шанхайского отделения РОВСа, завершилось становление Дальневосточного отдела Союза. В июне того же года приказом председателя РОВСа генерала Е. К. Миллера начальником Дальневосточного отдела был назначен генерал-лейтенант Михаил Константинович Дитерихс, вместо жившего в Дайрене генерала М. В. Ханжина, давно просившего о замене [MRC, b. 3, f. Дитерихс — Миллер]. Приход к руководству отделом Дитерихса способствовал превращению Обще-Воинского Союза в центр консолидации антибольшевистских сил эмиграции и активизации антисоветского движения.

Возвращение Дитерихса к политической работе после многолетнего перерыва было вызвано похищением агентами ГПУ в Париже в январе 1930 г. председателя РОВСа, генерала А. П. Кутепова. Как только об этом похищении стало известно в Китае, Михаил Константинович обратился к своим боевым соратникам по Сибири и Дальнему Востоку с воззванием объединиться для борьбы за освобождение России и объявил о создании Фонда помощи России, в который каждый неравнодушный к судьбе Родины эмигрант мог вносить свои пожертвования.

Призыв М. К. Дитерихса был услышан и уже в марте 1930 г. Михаил Константинович начал формировать Урало-Приамурскую группу добровольцев РОВСа. В приказе № 1 по Урало-Приамурской группе генерал предписывал создание отделов по месту жительства добровольцев. Каждый отдел подразделялся на кадры: пехотный, кавалерийский, казачий, артиллерийский и т. д. Во главе каждого местного кадра из состава отделов назначался начальник, который вел учет имеющихся добровольцев и привлекал новых, а также принимал взносы. Каждый доброволец должен был вносить ежемесячно в Фонд помощи России взнос в размере 1 мексиканского доллара, имевшего хождение в Китае, или 1 йены. Обязательство вносить взносы должно было приниматься как присяга [НИА, Valerian I. Moravsky, b. 7, f. 16]. Размер взноса был очень высок, если учитывать, что средний заработок в Харбине в то время составлял 30 долларов.

В конце марта 1930 г. начали функционировать несколько отделов Урало-Приамурской группы: Шанхайский во главе с самим М. К. Дитерихсом, Циндаосский во главе с генерал-лейтенантом И. С. Смолиным, соратником Дитерихса по Приморью, и Харбинский под временным руководством полковника А. С. Бодрова. Для начальников кадров Урало-Приамурской группы М. К. Дитерихсом было разработано «Наставление», где генерал обозначил цели работы и мероприятия для их достижения. Свержение советской власти предполагалось исключительно русскими силами без иностранной интервенции. Ликвидация советской власти должна была осуществиться путем антибольшевистской революции, для чего было необходимо пробудить народные массы России от «страшной пассивности и инертности». Первостепенной задачей в подготовке антибольшевистской революции М. К. Дитерихс считал сбор средств на организацию освободительного движения [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 37059, л. 33, 33 об].

М. К. Дитерихс предлагал развернуть активную работу по привлечению средств в Фонд помощи России, пропагандируя столь близкую его христианскому мировоззрению идею жертвенности: «...жертвенность определяет,

насколько тот или другой из нас готов действительно делом служить на благо другим, а не носиться только с громкими словами и трещащими лозунгами. Эти последние никакой пользы в работе в России не принесут». Михаил Константинович призывал «будить эмиграцию, стучаться к ней назойливо и настойчиво вызывать ее к той или другой деятельности». Для «пробуждения русского народа в России от его пассивности и инертности» генерал предполагал «установление организованной связи с населением СССР и с красной армией; сбор сведений с мест и из армии; пропаганду» [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 37059, л. 33, 33 об].

Кроме того, руководство Дальневосточного отдела РОВСа возлагало определенные надежды на финансовую помощь из Европы. Штаб-квартира Союза, располагая сведениями о новом подъеме антибольшевистских выступлений на советском Дальнем Востоке и отчасти в Забайкалье, вызванном начавшейся коллективизацией, летом 1930 г. направила М. К. Дитерихсу 5 тысяч американских долларов. За предшествовавшие два года Дальневосточный отдел получил из Европы всего 3 тысячи франков, а взносы, которые собирались дальневосточными отделениями РОВСа в Фонд спасения России им. ВК Николая Николаевича, отправлялись в Париж.

Понимая, что отправленных денег слишком мало для ведения широкомасштабной работы, генерал Миллер указывал, что больших сумм в его распоряжении нет, приветствовал создание Фонда помощи России, передавал в распоряжение М. К. Дитерихса взносы, ранее собиравшиеся в Фонд спасения России, и предлагал искать иностранной финансовой поддержки. Кроме того, глава РОВСа указывал на необходимость укреплять связи с Японией, даже путем соглашения на создание на российской дальневосточной территории буферного государства, что ни к чему не обязывало Обще-Воинский Союз в его тогдашнем «безответственном положении» [MRC, b. 3, f. Дитерихс — Миллер]. Впрочем, у М. К. Дитерихса был свой взгляд на взаимоотношения с Японией.

Как истинный генштабист, Михаил Константинович начал свою работу на посту начальника Дальневосточного отдела с подготовки подробной докладной записки, направленной в центр в июле 1930 г. В докладной записке генерал обрисовал внешнюю и внутреннюю обстановку на Дальнем Востоке и в СССР. При этом Дитерихс указывал, что ни одна из держав, имевших свои интересы на Дальнем Востоке, не окажет никакой материальной помощи русскому национальному движению, а деятельность Японии в Китае является по сути своей антирусской, поэтому те силы эмиграции, которые ориентируются на Японию, наносят вред освободительному движению¹.

Характеризуя военную эмиграцию в Китае, Дитерихс отмечал ее большую неоднородность, отсутствие крупных фигур, способных повести за собой воинскую массу, «атамановщину» и широко распространившуюся «болезнь игры

¹ В данном случае Дитерихс указывал на атамана Семенова и возникший после раскола Совета уполномоченных организаций Автономной Сибири (СУОАС) в 1928 г. Совет уполномоченных сибирских организаций (СУСО), возглавляемый М. П. Головачевым. СУСО выступил за создание «буферного Сибирского государства» под протекторатом Японии как главного оплота борьбы с коммунизмом на Дальнем Востоке.

в общественность» — чрезмерное увлечение политиканством, ведущее к дальнейшему раздроблению эмиграции. Тогда как главной задачей военной эмиграции должна являться борьба против злейшего врага России — советской власти.

Одним из важнейших вопросов, обозначенных в рапорте, был, как и прежде, вопрос финансирования: «Деньги, деньги и деньги, от них зависит все разрешение современного положения на Дальнем Востоке» [MRC, б. 3, ф. Дитерихс — Миллер]. Достаточный приток средств мог быть обеспечен только объединением всех сил эмиграции в единый антибольшевистский фронт. М. К. Дитерихс считал, что подобное объединение возможно, поскольку главная задача у всех врагов советской власти одна — свержение этой власти в России, — и предлагал всем антибольшевистским организациям Китая, отбросив политические разногласия и личные амбиции, соединиться.

Одной из задач в деле подготовки свержения советской власти Михаил Константинович видел организацию небольших партизанских отрядов, в обязанности которых входила бы разведка, проверка донесений с мест и усиление внутренней связи с местными партизанами и антисоветскими деятелями. Кроме того, предполагалось подготовить инструкторов, которые в нужный момент смогли бы принять на себя руководство повстанчеством и местными партизанами. В реализации данных мероприятий основная роль отводилась формирующимся в Харбине и бывшей полосе отчуждения КВЖД кадрам Урало-Приамурской группы. Планировалось обучить три тысячи инструкторов, по тысяче на каждую из советских областей, примыкавших к территории Маньчжурии, обеспечив им постепенное проникновение и накопление на советской территории. Идею создания на китайской территории русского освободительного Корпуса или Армии и его открытого вторжения в дальневосточные пределы Советского Союза, которую предлагали некоторые из руководителей белой эмиграции, М. К. Дитерихс совершенно отвергал.

Для организации партизанских отрядов начальник Дальневосточного отдела предполагал привлечь в первую очередь генералов Е. Г. Сычева, И. Ф. Шильникова и Н. П. Сахарова, каждый из которых имел богатый опыт партизанской деятельности. В то же время он указывал, что деятельность этих генералов может быть продуктивной только при условии их абсолютного подчинения РОВСу и принятия к исполнению только его указаний и требований [MRC, б. 3, ф. Дитерихс — Миллер].

Уже летом 1930 г. Дальневосточный отдел РОВСа начал реализацию мероприятий, изложенных в проекте М. К. Дитерихса.

Были предприняты энергичные усилия для сбора денежных средств в Фонд помощи России. М. К. Дитерихс призывал всех членов Дальневосточного отдела РОВСа не только лично участвовать во взносах в фонд, но и «проводить в обще-эмигрантской массе идею необходимости сосредоточения в этот Фонд всех сумм, собираемых на борьбу с советской властью...». Все воинские организации Дальневосточного отдела, устраивая для своей потребности вечера, балы, вечеринки и пр., обязаны были отчислять в фонд 2–5 % прибыли [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 37059, л. 51, 52]. Большую помощь в сборе средств для антисоветской

борьбы оказывал РОВСу генерал Д. Л. Хорват, бывший управляющий КВЖД, утвержденный в 1927 г. ВК Николаем Николаевичем «гражданским» главой российской эмиграции на Дальнем Востоке. У М. К. Дитерихса с Д. Л. Хорватом сложились хорошие партнерские отношения.

К концу лета 1930 г. в распоряжении Дальневосточного отдела сосредоточилось 20 тысяч мексиканских долларов, что позволило начать работу в приграничных районах. Основным союзником в зарубежной работе для РОВСа стало Братство Русской Правды (БРП), против чего Париж не возражал [Голдин, с. 95, 96]. В свою очередь, Верховный Круг БРП в марте 1931 г. принял Дитерихса в Братство в качестве Почетного Брата [Генерал Дитерихс, с. 587]. Нужно отметить, что немало крупных политических деятелей эмиграции, бывших офицеров, в том числе и членов РОВСа, уже состояли в рядах Братства. Членами БРП являлись генерал Хорват, генерал Бурлин, отвечавший до 1930 г. за работу по 2-й (военной) линии РОВСа, генерал Сычев, глава Восточного казачьего союза, генерал Шильников и др.

Учитывая большой опыт зарубежной работы и налаженные связи Братства, Дитерихс стремился всемерно использовать БРП для организации партизанского движения в приграничных районах, ведения разведки, переброски антисоветской литературы на территорию СССР и создания там подпольных ячеек. Как следует из переписки маньчжурских «братчиков» с Шанхайским отделом БРП, те, хотя и были недовольны тем, что представители Обще-Воинского Союза приписывают себе их достижения, но работать совместно с РОВСом и даже под руководством его назначенцев не отказывались, получая от Союза финансовую поддержку [НИА, Larin (G.P.) Papers, b. 1, f. 1.10].

Разворачивая работу в приграничье, Дитерихс прекрасно понимал и отмечал это в своих письмах в Париж, что рассчитывать на скорые результаты не приходилось. Работа на севере Маньчжурии требовала строгой конспирации не только по причине активной деятельности здесь советской разведки, но и в связи с запрещением легальной работы эмигрантским организациям со стороны китайских властей. Опасаться приходилось и усилившегося любопытства со стороны японцев, по словам М. К. Дитерихса, находившихся «в соглашении с большевиками и склонных к провокациям» [MRC, b. 3, f. Дитерихс — Миллер].

Для организации антисоветского вещания летом 1930 г. Дальневосточный отдел обзавелся своей радиостанцией, имевшей радиус действия в 4 тыс. миль. Радиостанция, располагавшаяся в Шанхае, вела передачи по воскресеньям, вторникам, четвергам и субботам в 14.00 среднего Гринвичского времени на волне в 52,2 м [Там же]. Радиостанция действовала около двух лет.

Стремясь упрочить связи между Шанхаем и региональными подразделениями РОВСа в Китае, М. К. Дитерихс в сентябре 1930 г. произвел объезд входивших в состав Дальневосточного отдела территорий, что ранее руководством Отдела не осуществлялось. Во время объезда генерал посетил Мукден, Чанчунь и, главное, наиболее крупный центр русской эмиграции в Китае — Харбин. Большое внимание к Маньчжурии определялось ее приграничным положением с СССР, уже давно превратившим ее в основной плацдарм для осуществления

антисоветской деятельности. Поездку в Харбин Михаил Константинович сравнивал со своим объездом районов армий Юго-Западного фронта весной 1916 г. в преддверии Брусиловского прорыва [MRC, b. 3, f. Дитерихс — Миллер].

В Харбине генерал провел целую неделю. Его безопасность негласно обеспечивали русские чины харбинской полиции, члены РОВСа. За это время были организованы два собрания главы Дальневосточного отдела с офицерами, представлявшими военные объединения Харбина и Маньчжурии [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 36444, л. 13, 43].

Посещение Дитерихсом Харбина вызвало раздражение и обеспокоенность советской стороны. Часть эмигрантской общественности Харбина также встретила этот приезд крайне негативно, объявив деятельность главы Дальневосточного отдела РОВСа и его организации вредной для эмиграции и предательской по отношению к возглавляемому Д. Л. Хорватом Дальневосточному объединению эмиграции [Аблова]. М. К. Дитерихс не остался в долгу, клеймя «общественность» за ее пассивность, пустословие и нежелание приложить реальные усилия для освобождения России.

Сентябрьская поездка дала возможность Дитерихсу завершить структурное оформление подведомственного ему отдела и утвердить его руководящую роль над другими военными объединениями и примыкавшими к ним организациями молодежи. Главенства РОВСа не приняли легитимисты², атаман Семенов и шанхайская организация «крестоносцев», связанная с обществом «Вера, Царь и Отечество» [MRC, b. 3, f. Дитерихс — Миллер]. В противоположность им Братство Русской Правды, Союз мушкетеров, фашисты-синдикалисты и другие признали руководство Обще-Воинского Союза. Свою поддержку РОВСу выразил Митрополит Харбинский и Маньчжурский Мефодий, имевший большой авторитет в среде белой эмиграции.

В структурном плане Дальневосточный отдел РОВСа осенью 1930 г. составил несколько отделений:

1. Шанхайское отделение, руководство которым осталось за Дитерихсом;
2. Мукденское отделение, начальство которым после ухода генерала П. П. Петрова взял на себя генерал-майор Б. А. Остроградский. Генерал Петров был назначен начальником штаба Отдела и переехал с семьей в Шанхай. Дитерихс, близко знакомый с Петровым еще по Приморью, очень высоко ценил его профессиональные и личностные качества;
3. Тяньцзинское отделение под руководством генерал-лейтенанта Г. А. Вержбицкого, соратника Дитерихса по Приморью;
4. Циндаосское отделение под руководством генерал-лейтенанта Смолина;
5. Дайренское отделение, которое первоначально оставалось под началом генерала Ханжина, пока в 1931 г. он не переехал в Шанхай, где некоторое время работал в штабе (канцелярии) Отдела;

² Отношения между РОВСом и законопослушным движением в Европе были очень сложными. Летом 1930 г. между этими организациями наметилось сближение, весной 1931 г. начались переговоры. Однако прийти к согласию не удалось, и уже осенью 1931 г. между РОВСом и легитимистами начался очередной виток борьбы.

6. Японское отделение, начальником которого являлся капитан 2-го ранга Л. Компанион;

7. Харбинское отделение. Ситуация в Харбине была наиболее сложной. Начальником Харбинского отделения РОВСа был назначен генерал-майор А. В. Бордзиловский. В то же время в Маньчжурии создавались два отдела Урало-Приамурской группы: Харбинский отдел под временным руководством полковника Бодрова и Маньчжурский отдел, возглавляемый генералом В. Д. Косьминым. Оба отдела подчинялись непосредственно М. К. Дитерихсу, и их работа по 2-й (военной) линии руководилась им же. Генерал Бордзиловский играл роль своеобразного начальника гарнизона [MRC, b. 3, f. Дитерихс — Миллер].

В оперативном отношении территория, где действовали подразделения Дальневосточного отдела, была разделена М. К. Дитерихсом на две зоны: «Северная Маньчжурия, от границы СССР-ии до параллели Чаньчуня включительно, является боевой зоной; весь район южнее этой параллели и Япония — являются зоной резервов». Боевая зона составила Авангард Дальневосточного отдела, его главной задачей являлось установление связи с советской территорией и проведение разведки. Воинские организации резервных районов должны были разбить своих чинов на две категории: резерв 1-й очереди, состоявший из «холостых чинов и тех из женатых, кто могут немедленно выступить в поход» по первому требованию начальника, и резерв 2-й очереди — все остальные [MRC, b. 3, f. Дитерихс — Стогов].

Отмечая резкое снижение уровня боевой и теоретической подготовки бывших военнослужащих, М. К. Дитерихс потребовал «освежать военное образование» для офицеров и организовать специальные курсы для тех, кто не получил регулярной военной подготовки. На основании приказа главы Дальневосточного отдела 15 апреля 1931 г. в Шанхае открывались унтер-офицерские и военно-училищные курсы, ориентированные на военную подготовку молодых людей, вступавших членами в РОВС [MRC, b. 2, f. Материалы Союза служивших в Российских Армии и Флоте]. Основную часть курсантов составили чины Русского отряда Шанхайского волонтерского корпуса. Летом 1931 г. в Шанхае были открыты офицерские курсы усовершенствования военных знаний. В Харбине курсы для подготовки унтер-офицерских кадров были созданы на базе Союза мушкетеров. Работа первого «мушкетерского» военно-инструкторского (учебного) отряда, где офицеры, члены РОВСа, являлись преподавателями, началась весной 1931 г. [Мушкетер, с. 19].

Поездка Дитерихса в Маньчжурию и активизация деятельности РОВСа вызвали ответные действия советской стороны. Началось усиленное давление на старших офицеров, руководящих членов организации. В конце 1930 г. был вынужден покинуть Харбин генерал Бордзиловский. Он перебрался в Шанхай. Полковник Бодров из Харбина переехал на ст. Аньда, прекратив связь с Шанхаем. Что касается генерала Космина, по словам М. К. Дитерихса, «умного, вечно интригующего и честолюбивого», то он был лишь временным попутчиком РОВСа. В мае 1931 г. Космин возглавил только что образовавшуюся в результате раскола русского фашистского движения в Маньчжурии Русскую фашистскую

партию. Не желая лишней раз раздражать большевиков, Дитерихс после отъезда Бордзиловского временно не стал назначать начальника Харбинского отделения.

Советские спецслужбы также усилили борьбу против партизанского движения и засылавшихся на территорию СССР агентов. В том же 1930 г. Читинским оперативным сектором ГПУ было проведено агентурное дело «Ононцы», в результате чего была ликвидирована контрреволюционная организация, поддерживавшая связь с генералом Шильниковым. Более трехсот человек были арестованы [Базанов, с. 184].

Несмотря на тяжелые условия работы, Дальневосточному отделу при помощи БРП удалось наладить разведку и связи с повстанческими отрядами на советской территории, особенно в Приморье, где до 1932 г. действовали три крупных партизанских отряда — Сучанский, Иманский и Шкотовский. Одиннадцать агентов РОВСа были внедрены в ряды Красной армии, стали формироваться «ячейки из местных элементов, для постановки постоянной информации в будущем и для организации летучей связи». Была организована переброска на советскую территорию антисоветских воззваний, прокламаций, летучек [MRC, b. 3, f. Дитерихс — Миллер]. В Маньчжурию из разных районов Китая ехали бывшие военнослужащие, члены РОВСа, чтобы принять участие в борьбе за освобождение родины.

В то же время М. К. Дитерихс с обеспокоенностью отмечал, что, несмотря на широкую ненависть дальневосточного населения к советской власти, «массы населения пассивны, инертны, забиты и запуганы. <...> Ждать быстрого подъема массового антисоветского движения не приходится и нужны деньги, очень большие деньги для его активизации». В случае начала восстания на советской территории весной 1931 г., как сообщал Михаил Константинович в Париж, потребуется до 500 тыс. долларов на организацию боевых отрядов, способных поддержать местные элементы [Там же].

М. К. Дитерихс, по-видимому, как никто другой, реально оценивал глубину проникновения советской разведки в эмигрантские ряды. В письме Миллеру в декабре 1930 г. генерал отмечал, что половина работников 1-й и 2-й линии организации «уже не свободны в своих действиях и опутаны большевиками в полной мере, хотя сами работники и не осознают своего положения». В связи с создавшейся обстановкой Дитерихс сделал ставку на разворачивание работы 3-й и 4-й линий организации. Не называя имен сотрудников, он указал, «что люди эти старые и опытные работники в приграничных районах, никогда своих имен не выдвигавшие, но почти не прекращавшие своей работы со времен оставления нами русской территории Дальнего Востока» [Там же]. Скорее всего, этими сотрудниками являлись полковник А. Г. Аргунов и подполковник Н. А. Мартынов, оба члены БРП. Известно, что и тот и другой получали определенные суммы из средств РОВСа [НИА, Petrov (P. P.) Papers, b. 1, f. 7].

С начала 1931 г. предпринимались усилия по разворачиванию работы 3-й и 4-й линий сразу по трем направлениям: со ст. Пограничная — на Приморье, со ст. Маньчжурия — в Забайкалье, из Сахалина — в Амурскую область. Для поддержания антибольшевистского сопротивления на советской территории

планировалось использовать небольшие передовые отряды, люди для которых, по словам главы Дальневосточного отдела, два года выдерживались в тайге, приучаясь к жизни вне населенных пунктов, к лишениям, дисциплине, к охоте и руководству партизанскими действиями [MRC, b. 3, f. Дитерихс — Миллер]. Это вместе с деятельностью конспиративных ячеек на советской территории и проникновением в советские административные и военные структуры должно было подготовить к 1933 г., к началу новой пятилетки в СССР, условия для единого антибольшевистского выступления на востоке страны.

Из трех намеченных направлений наиболее активная работа развернулась на приморском направлении. В районе ст. Пограничная был создан особый Приграничный отдел БРП при непосредственном участии генерала Сычева и полковника И. А. Рудых, личного представителя генерала Д. Л. Хорвата [Базанов, с. 191].

Между тем, финансовая проблема по-прежнему оставалась крайне острой. Михаил Константинович с горечью отмечал, что сборы на местах дают очень мало денег. В июльском письме 1931 г. в центр он констатировал, что, несмотря на энергичные усилия, предпринятые для сбора средств, за первые шесть месяцев года в Фонд спасения России поступило всего 6 014 долларов. Причем Харбин, обещавший во время приезда Дитерихса давать 3 тысячи в месяц, собрал только 441 доллар, и надежд на изменение ситуации практически не было [MRC, b. 3, f. Дитерихс — Миллер]. Грозные циркуляры, которые генерал направлял начальникам кадров Урало-Приамурской группы, требуя немедленно собрать и выслать ему в Шанхай взносы, в противном случае обещая применить к тем, кто не выполнит свой воинский долг, опубликование их фамилий в Китае и Европе и исключение их из воинского звания, мало что меняли.

По словам Дитерихса, инертность эмиграции не только не снизилась, а как будто усугублялась, эмигрантская масса не шла дальше пустой болтовни и платонических мечтаний о России. Особенно его беспокоило состояние молодежи, которой, по его мнению, были «ближе и родственнее интересы их настоящего интернационального обывательского положения, чем духовная любовь к своей Родине и идейные принципы борьбы за нее» [MRC, b. 3, f. Дитерихс — Миллер].

Не имея достаточных средств, даваемых местными сборами, и почти ничего не получая из центра³, Дитерихс был вынужден сообщить генералу Миллеру, что с нового 1932 г. прекратит работы по 1-й, 2-й и 4-й линиям, сохранив только часть работы по 3-й линии, «дабы не терять связей с деревней и с контрразведкой как в СССР-ии, так и в Маньчжурии». В заключение письма генерал сетовал: «Грустно мне и тяжело прекращать действенную работу по развалу советской власти и по подготовке ее взрыва, но, очевидно, на то воля Божья. Буду пытаться идти другими путями к намеченной цели, доступными нашим средствам» [Там же].

Но если в обращениях к генералу Миллеру Дитерихс старался сохранять официальный тон, то в письме к своему сослуживцу по полевому генеральному

³ Финансовые дела центра тоже находились в плачевном состоянии, а после краха, благодаря интриге советских спецслужб, в марте 1932 г. спичечного предприятия шведа И. Крегера, в которое РОВС вложил почти все свои средства, Союз оказался совершенно разорен.

штабу Юго-Западного фронта времен мировой войны генерал-лейтенанту Н. Н. Стогову, начальнику военной канцелярии РОВСа, он не сдерживал захлестывавших его эмоций: «...за полтора года я ни разу не получил ни от Вас, ни от генерала Миллера какого-либо намека на вашу активную работу в СССР-ии, какой-либо информации для координирования своей заграничной работы, как это полагается между различными штабами, ведущими самостоятельную подготовку. В чем выражается Ваша работа. Неужели только в учебной части, в курсах и... что самое ужасное — в полемических выступлениях с другими организациями. Николай Николаевич, ведь мы губим дело, вымираем, теряем боевое сердце и если не ведем фактической работы в СССР-ии, то не имеем и права говорить о нашей активной работе. Одному же человеку никогда “ВОЗА” не сдвинуть...» [MRC, b. 3, f. Дитерихс — Стогов]. Генерал был на грани срыва и готов был подать в отставку, и только желание вывести с территории СССР своих работников, которым могла угрожать гибель, удержало его от немедленного ухода.

В 1932 г. Дальневосточному отделу из-за недостатка средств пришлось отказаться от работы Сычева и Мартынова, поддерживая очень скромными суммами только Аргунова и Шильникова [НИА, Petrov (P. P.) Papers, b. 1, f. 7]. В Шанхае начался выход отдельных военных организаций из состава отдела. Одним из первых отдел покинуло Общество Егерского полка, возглавляемое полковником Александровым [MRC, b. 3, f. Переписка начальника Дальневосточного отдела РОВСа Дитерихса].

Большой урон деятельности РОВСа наносили советские спецслужбы. В 1931–1932 гг. Западносибирское и Дальневосточное полпредства ОГПУ провели совместную агентурную разработку под кодовым названием «Таежные братья». На советской территории был ликвидирован ряд эмигрантских разведгрупп, разгромлены явки, арестованы несколько эмиссаров антибольшевистских организаций. Более того, советская сторона по договоренности с китайскими властями располагала свои специальные подразделения для ликвидации белых партизанских отрядов на китайской стороне границы в районах станций Маньчжурия и Пограничная [MRC, b. 3, f. Дитерихс — Миллер]. В 1932 г. приграничный отдел БРП был практически разгромлен и в дальнейшем ликвидирован. Другой крупной операцией советских спецслужб против боевых организаций эмиграции, инициированной в 1931 г., стала операция «Мечтатели», организованная и проведенная по типу операций «Трест» и «Синдикаты» на Западе. Операция успешно осуществлялась вплоть до 1935 г. [Базанов, с. 184–187].

Тем временем ситуация на северо-востоке Китая претерпела кардинальные изменения. В сентябре 1931 г. японская Квантунская армия вторглась в Маньчжурию и, разгромив китайские войска, обеспечила провозглашение на этой территории в апреле 1932 г. «независимого» маньчжуро-монгольского государства Маньчжоу-го.

Приход японцев в Маньчжурию был воспринят частью антибольшевистской эмиграции с большим воодушевлением и оживлением надежд на поддержку Японией антисоветских сил. Генерал М. К. Дитерихс, не питавший особых надежд на поддержку русских национальных сил со стороны Японии, тем

не менее считал, что нельзя упускать благоприятную возможность, созданную вторжением японцев. В марте 1932 г. Михаил Константинович распространил «Призыв к Белой Русской Эмиграции всего мира», указывая, что за последние годы эмиграция уже упустила два благоприятных шанса для подъема антибольшевистского движения на российском Дальнем Востоке (1929 и 1930 гг.). Мог быть упущен и нынешний шанс, если антибольшевистские силы в Маньчжурии не получают финансирования [Голдин, с. 102].

В связи с воззванием Дитерихса генерал Миллер призвал начальников отделов РОВСа организовать сбор средств для борьбы с СССР на Дальнем Востоке. Эта идея была подхвачена и популяризировалась редакцией журнала «Часовой». Среди чинов РОВСа было распространено специальное циркулярное письмо, посвященное событиям на Дальнем Востоке. В письме указывалось, что рассчитывать на свержение советской власти внутренними силами без толчка извне не приходится. В настоящий момент только Япония может стать союзником русских сил в борьбе с советской властью и упустить такой шанс нельзя. В противном случае Япония, разрешив «Дальне-Восточную проблему в узких пределах своих японских интересов», исключит «всякую возможность применения в этих краях наших сил» [цит. по: Там же, с. 103].

Несмотря на предпринимаемые попытки, организовать сколько-нибудь заметную помощь Дальнему Востоку центр не смог. Денег не было, а усилившиеся внутренние противоречия в Союзе вели к падению дисциплины и невыполнению приказов центра. Дальневосточный отдел был вынужден решать все проблемы самостоятельно.

Катастрофическое финансовое положение заставило генерала М. К. Дитерихса использовать последнее средство для получения денег. Осенью 1932 г. в Японию был направлен начальник штаба отдела генерал Петров. Формально он назначался начальником Японского отделения РОВСа, в задачи которого, в частности, входило изучение политической ситуации в Японии и информирование руководства отдела об ее изменениях. Но главное — Петров должен был попытаться вернуть переданное в 1920 г. на хранение японской стороне русское золото. Именно генерал Петров, в то время начальник снабжения Дальневосточной армии, в ноябре 1920 г. передал на хранение Японской военной миссии на ст. Маньчжурия двадцать ящиков с золотой монетой и два ящика с золотом в слитках, о чем была составлена соответствующая расписка⁴. Однако судебное дело, затеянное генералом Петровым, затянулось на долгие годы и не принесло положительного результата. В конце концов, генерал, в условиях начавшейся Второй мировой войны, согласился с предложением японских властей прекратить тяжбу в обмен на уплату всех судебных издержек [Волков, с. 83, 87].

Укрепившись в Маньчжурии, японцы начали методично подчинять себе зарубежную работу белой эмиграции, действуя чаще всего через своих доверенных лиц из состава РОВСа и БРП. На восточной линии, после ликвидации ОГПУ

⁴ За период Первой мировой и Гражданской войн в Японию в счет военных поставок и на хранение из России было переведено не менее 140 млн золотых рублей. Все попытки белых организаций и отдельных деятелей белого лагеря в 1920–1930-е гг. возвратить эти деньги оказались безуспешными.

таких ключевых фигур боевого подполья, как И. Поляков и И. А. Стрельников, и неясной гибели полковника Аргунова⁵, претензии на руководство остатками боевых групп выдвинули подьесаул И. А. Вошило и штабс-капитан Б. Н. Шепунов. Оба офицера состояли в рядах РОВСа и БРП (Шепунов возглавлял кадр Обще-Воинского Союза на ст. Пограничная) и одновременно работали с японцами. И. А. Вошило, служивший в японской жандармерии, передал японцам списки всех известных ему «братчиков», действовавших в районе ст. Пограничная. Некоторые деятели БРП полагали, что И. А. Вошило стремится к созданию самостоятельного отдела или вообще самостоятельного Братства [НИА, Larin (G. P.) Papers, b. 1, f. 1.10], подчиненного японцам.

Неопределенное отношение руководства Дальневосточного отдела РОВСа к японским властям в Маньчжоу-го, стремление сохранить самостоятельность с ориентацией на Европу очень быстро дали возможность противникам Союза очернить его деятельность в глазах японцев, и без того относившихся к этой организации подозрительно.

В январе 1933 г. в Токийскую жандармерию был направлен донос с обвинением руководства Дальневосточного отдела в работе против Маньчжоу-го. В мае того же года в крупной японской газете «Осака асахи» появилась статья, в которой генералы Д. Л. Хорват и М. К. Дитерихс объявлялись организаторами разведывательной работы в Маньчжоу-го, передававшими заведомо ложные сведения о ситуации в Маньчжурии в Лигу Наций и ведущими агитацию среди белых русских «с целью поднятия анти-Японо-Маньчжурского настроения» [MRC, b. 3, f. Переписка начальника Дальневосточного отдела РОВСа Дитерихса]. Спустя два дня на страницах харбинского «Вечернего времени» представители ряда эмигрантских организаций в Маньчжоу-го выступили с демаршем против М. К. Дитерихса, отмежевавшись от Обще-Воинского Союза.

В ответ на эти выпады М. К. Дитерихс обратился с открытым заявлением ко всем дальневосточным чинам РОВСа. Генерал отверг все выдвинутые против него обвинения, пенял противникам за деятельность по расколу эмиграции и призывал членов Союза помнить, что «Япония, поднявшая знамя борьбы за националистические принципы народов, является другом. С ней и с Маньчжоу-го нужно действовать заодно, сотрудничая и содействуя чем только возможно в их движении против местной советской власти» [Там же].

В это же время в письме к генералу Ханжину М. К. Дитерихс назвал все произошедшее грубой провокацией с целью обезглавить важнейшие белые национальные организации, осуществленной при поддержке японцев. Генерал отмечал, что японцы стремятся использовать русскую эмиграцию только в своих

---

⁵ Полковник Аргунов погиб в октябре 1932 г. в Харбине. По официальной версии, полковник был убит случайным выстрелом, произведенным его соратником по Гражданской войне, подполковником Н. А. Мартыновым во время их ночной встречи на Новгородней улице Харбина. Версии о несчастном случае придерживался и РОВС, но, как показывает письмо М. К. Дитерихса к генералу Петрову от 1937 г., Михаил Константинович сохранял некоторые подозрения в отношении Мартынова. И в 1930-е гг., и намного позднее против Мартынова выдвигались обвинения в связях с советской разведкой или в работе на японцев, но установить истинные причины произошедшего до сих пор не удалось.

целях и «что на [их] помощь в нашей национальной работе рассчитывать больше не приходится» [MRC, b. 2, f. Переписка Вальтера с Дитерихсом].

События 1933 г. заметно ослабили положение РОВСа в Китае, а также способствовали сильному ухудшению здоровья генерала М. К. Дитерихса. Взаимодействие между штабом отдела и его отделениями стало фрагментарным, практически прервались связи с БРП. В 1934 г. руководители Шанхайского отдела Братства прямо заявили о необходимости тесного сотрудничества с «новыми хозяевами» Маньчжурии [HIA, Larin (G. P.) Papers, b. 1, f. 1.10]. Теперь вся зарубежная работа белой эмиграции против СССР оказалась в руках японцев и направлялась ими. Члены РОВСа, ранее связанные с операциями на территории СССР и не желавшие работать с японцами, совершенно отошли от дел. Деятельность самого крупного по численности Харбинского отделения РОВСа ограничивалась работой с молодежью в военно-училищных структурах, участием в парадах и антисоветских демонстрациях. В конце 1935 г. деятельность Обще-Воинского Союза в Маньчжоу-го была запрещена.

В последующие годы работа РОВСа на территории Китая была почти незаметна. Генерал М. К. Дитерихс, неоднократно просивший центр о замещении его в должности начальника отдела, получил разрешение о сложении полномочий только летом 1937 г. В октябре того же года он скончался от туберкулеза. Преемник М. К. Дитерихса на посту начальника Дальневосточного отдела РОВСа генерал Вержбицкий так и не приступил к исполнению своих полномочий, оказавшись заперт в Тяньцзине в связи с начавшейся летом 1937 г. японско-китайской войной. В условиях развернувшейся в Китае войны деятельность подразделений РОВСа окончательно заглохла, на подконтрольной японцам территории отделения Союза были закрыты. Самороспуск последнего, Шанхайского отделения произошел в сентябре 1940 г.

Причины поражения белого активизма в 1920–1930-е гг. неоднократно поднимались в исследовательской литературе. Отмечались идейная неоднородность и внутреннее противостояние, распыленность, отсутствие финансовых средств и надежной внешней поддержки, эффективная деятельность советских спецслужб [Ершов; Свириденко, Ершов]. На наш взгляд, едва ли не главным заблуждением антибольшевистских сил, в том числе и генерала М. К. Дитерихса, являлось разделение русского народа и советской власти. Народ представлялся запуганным, поработанным жестокой властью большевиков, и ему требовалось оказать поддержку в борьбе с чуждым режимом. РОВС, как и другие белые организации, недооценивал силу идеологического воздействия вкупе с широкомасштабными репрессивными мероприятиями советской власти, а также особенности русского народного сознания, которому большевизм (отнюдь не научный марксизм) был близок. К тому же бывшие белые ассоциировались с интервенцией, враждебным внешним окружением, сжимавшим Страну Советов железным кольцом. Неудачи белого активизма привели часть его лидеров к идейным поискам. В последние годы своей жизни генерал М. К. Дитерихс, человек глубоко религиозный, пришел к пониманию приоритета идейного противостояния советской власти военному. Он стремился противопоставить

интернациональному большевизму русскую национальную идею, ценностным ядром которой выступало православие. Национальное воспитание молодого поколения, с которым ассоциировалось будущее России, защита его от разрушающего воздействия интернациональной среды зарубежья стали одной из главных задач в последний период работы подразделений Дальневосточного отдела РОВСа.

Аблова Н. Дмитрий Леонидович Хорват. Из истории российской эмиграции в Китае [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fonddiv.ru/articles/3/> (дата обращения: 14.05.2014). [Ablova N. Dmitrij Leonidovich Horvat. Iz istorii rossijskoj jemigracii v Kitae [Electronic resource]. URL: <http://www.fonddiv.ru/articles/3/> (accessed: 14.05.2014).]

Базанов П. Н. Братство Русской Правды — самая загадочная организация Русского Зарубежья. М., 2013. [Bazanov P. N. Bratstvo Russkoj Pravdy — samaja zagadochnaja organizacija Russkogo Zarubezh'ja. M., 2013.]

Волков Е. В. Крестьянский сын Белой России: линия жизни генерала П. П. Петрова // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 2006. № 15. С. 72–89. [Volkov E. V. Krest'janskij syn Beloj Rossii: linija zhizni generala P. P. Petrova // Belaja armija. Beloe delo. Ekaterinburg, 2006. № 15. S. 72–89.]

Генерал Дитерихс / науч. ред. В. Ж. Цветков. М., 2004. [General Diterihs / nauch. red. V. Zh. Svetkov. M., 2004.]

Голдин В. И. Армия в изгнании. Страницы истории Русского Обще-Воинского Союза. Архангельск ; Мурманск, 2002. [Goldin V. I. Armija v izgnanii. Stranicy istorii Russkogo Obshhe-Voinskogo Sojuza. Arhangel'sk ; Murmansk, 2002.]

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Следственные дела. [GAAOSO. F. R-1. Op. 2. Sledstvennye dela.]

Ершов В. Ф. Российское военно-политическое зарубежье в 1918–1945 гг. М., 2000. [Ershov V. F. Rossijskoe voenno-politicheskoe zarubezh'e v 1918–1945 gg. M., 2000.]

Мушкетер. Харбин, 1932. № 8. [Mushketer. Harbin, 1932. № 8.]

Свириденко Ю. П., Ершов В. Ф. Белый террор? Политический экстремизм российской эмиграции в 1920–1945 гг. М., 2000. [Sviridenko Ju. P., Ershov V. F. Belyj terror? Politicheskij jekstremizm rossijskoj jemigracii v 1920–1945 gg. M., 2000.]

НИА. Larin (G. P.) Papers. Box 1. F. 1.10. Correspondence. Bratstvo Russkoi Pravdy. 1931–1948.

НИА. Petrov (P. P.) Papers. Box. 1. F. 7. Correspondence and materials of Far-Eastern Division of РОВС (Russian Military Union).

НИА. Valerian I. Moravsky. Box 7. F. 16. Émigré organizations.

МРС. Русские эмигранты на Дальнем Востоке. Box 2, 3. [MRC. Russkie jemigranty na Dal'nem Vostoke. Box 2, 3.]

Статья поступила в редакцию 21.04.2015 г.